

DOI: 10.25588/CSPU.2019.38.67.017

УДК 316.6

ББК 88.54

Н. В. Сиврикова

ORCID № 0000-0001-9757-8113

Кандидат психологических наук,

доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,

г. Челябинск, Российская Федерация.

E-mail: bobronv@cspu.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛЮДЕЙ, ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИХ СЕБЯ С РАЗНЫМИ ПОКОЛЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА РОССИИ)

Аннотация

Введение. Статья посвящена широко обсуждаемой в обществе проблеме различий между поколениями. В ней утверждается, что большая часть исследований вопроса представляет собой сравнение людей разного возраста. Делается предположение, что при изучении различий между поколениями оправданным будет подход, основанный на делении выборки на основе идентификации с поколением. Цель исследования заключалась в выявлении различий в уровне жизнестойкости у людей, которые относят себя к разным поколенческим группам.

Материалы и методы. В опросе приняли участие 146 жителей Уральского региона России (66 мужчин и 80 женщин) в возрасте от 17 до 72 лет. Для определения уровня жизнестойкости респондентов использовалась русскоязычная версия опросника «Hardiness Survey». Для математической обработки данных применялся Н-критерий Крускала-Уоллиса.

Результаты. Было обнаружено, что во всех возрастных группах, кроме людей старше 60 лет, преобладает конгруэнтная поколенческая идентификация. Участники исследования идентифицируют себя чаще с советским или постсоветским поколениями. Были установлены значимые различия по шкалам «Контроль», «Принятие риска» и общему баллу

по опроснику жизнестойкости между людьми, идентифицирующими себя с разными поколениями.

Обсуждение. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что уровень жизнестойкости зависит от идентификации с поколением: наиболее жизнестойкими являются люди, относящие себя к старшим поколениям (послевоенным и советским), менее жизнестойки люди, ассоциирующие себя с переходным поколением. Самый низкий уровень жизнестойкости наблюдается у людей, приписывающих себе принадлежность к переходному поколению.

Заключение. Поколения как самостоятельные социальные группы могут выступать в качестве основания для идентификации личности, т. к. в результате исследования было установлено, что люди с легкостью относят себя к поколенческой группе, которая связывает их со сверстниками на основе общности ценностей. Культурно-исторические условия формирования личности, объединяющие людей в одно поколение, влияют на уровень жизнестойкости человека. В Уральском регионе наблюдаются маятниковые тенденции в уровне жизнестойкости при сравнении поколений (тенденция U-образной формы): у представителей советского и постсоветского поколений уровень жизнестойкости выше, чем у представителей переходного поколения.

Ключевые слова: поколенческая идентификация, жизнестойкость, послевоенное поколение, советское поколение, переходное поколение, постсоветское поколение.

Основные положения:

– жители Урала склонны идентифицировать себя с поколением своих сверстников. В большей степени данная тенденция характерна для представителей советского и постсоветского поколений;

– представители разных поколений отличаются по уровню убежденности в том, что они могут управлять событиями своей жизни: наиболее высокие значения отмечаются у представителей послевоенного и советского поколений, а самые низкие — у представителей переходного поколения;

– вера в то, что опыт представляет собой новые точки личностного роста, зависит от принадлежности к поколению: наиболее высокие показатели зафиксированы у представителей послевоенного и советского поколений, а самые низкие — у представителей постсоветского поколения.

1 Введение (Introduction)

Исследования различий между поколениями приобретают всемирную популярность. Предложенная Н. Хоув и В. Штраус теория поколений открыла новую перспективу для объяснения социально-психологических явлений и процессов. В основе данной теории лежит идея о том, что мировоззрение человека формируется под влиянием социально-исторического контекста того времени, в котором он рос, и в свою очередь определяет особенности его поведения [1].

Любая теория нуждается в подтверждении. Однако феномен теории поколений заключается в том, что еще до научного подтверждения появилось много вариантов ее практического внедрения [2]. В научном мире складывается парадоксальная картина: с одной стороны, ведется дискуссия о том, что существуют ли различия между поколениями на самом деле [3; 4; 5], с другой стороны, разрабатываются рекомендации

по тому как использовать ресурсы каждого поколения в практической деятельности: в обучении [1], в работе [6], в маркетинге [7]. Этот парадокс приводит к широкому обсуждению вопросов, связанных с научным изучением поколений.

В своем исследовании мы обратились к анализу различий между поколениями в уровне жизнестойкости. С появлением и интенсивным развитием позитивной психологии внимание исследователей привлекли факторы, способствующие устойчивости к стрессам. В рамках теории салютогенеза (Salutogenese) А. Антоновского утверждается, что способность человека противостоять стрессу зависит от соотношения силы стрессоров и ресурсов личности [8]. В последнее время психологи стали обращать внимание на жизнестойкость как личностный ресурс преодоления стрессовых ситуаций [9; 10; 11]. С. Мадди, автор теории жизнестойкости, считает, что наличие именно этой личностной харак-

теристики обеспечивает человеку возможность совладать с жизненными трудностями [10]. Она представляет собой систему убеждений человека о мире и о себе, которая помогает преодолевать стрессовые ситуации, воспринимать их как возможность развития, а не как катастрофу [9]. В настоящее время крайне мало исследований посвящено анализу жизнестойкости представителей разных поколений. Возможно, это связано с трудностями организации эмпирических исследований, к основным из которых относятся: недостаточность использования даты рождения в качестве критерия выделения поколений и различия в культурном контексте формирования поколений в разных странах. Как указывают С. Т. Лион и Л. Швейцер, большая часть существующих исследований различий между поколениями опирается на методологию поперечных срезов и представляет собой сравнение людей разных годов рождения [12]. Например, исследование М. И. Постниковой посвящено сравнению уровня жизнестойкости в разных возрастных группах [11]. В результате непонятно, какие различия исследуются автором, возраст-

ные или поколенческие. Решая данную проблему, ученые стремятся к более тонкой субъективной дифференциации поколений на основе социальной идентификации [13]. Социально-конструктивистский подход к анализу различий между поколениями предлагает М. Твендж [14], согласно этому подходу поколения являются субъективными социально-опосредованными категориями, объясняющими сложные общественные механизмы, в основе которых лежит возраст. В этом случае важным становится вопрос о том, как люди воспринимают разные поколения и к какому из них относят себя.

Проблема самоопределения личности через отнесение себя к определенному поколению традиционно рассматривается как проблема социальной идентичности [13; 15; 16]. В научной литературе проблеме поколенческой идентификации посвящены лишь отдельные исследования [12; 13; 15], в рамках которых выявлена значительная гетерогенность в идентификации с поколением. Поэтому можно предположить, что при изучении различий в уровне жизнестойкости между поколениями оправданным будет подход,

основанный на делении выборки на основе идентификации с поколением, а не на основе года рождения человека. Однако, чтобы идентифицировать себя с тем или иным поколением, важно понимать, какие именно поколения представлены в современном обществе. С теоретической точки зрения, возрастные когорты часто организуются вокруг ключевых исторических событий. Следовательно, в разных странах в силу различий в их истории общество делится на разные поколения. В западных странах выделяются шесть различных поколений: поколение ветеранов; поколение демографического взрыва; поколение X; поколение Y или Миллениалы и поколение Z или Пост-миллениалы [1]. В Китае изучаются поколения культурной революции, социальных реформ и поколение тысячелетия [17]. В России можно встретить разные точки зрения на типологию поколений. М. И. Постникова говорит о пяти поколениях: послевоенное; поколение «шестидесятников», поколение «застоя»; поколение «перестройки»; постсоветское поколение [11]. В исследованиях В. И. Пищик рассматриваются три поколения России:

советское, переходное и постсоветское [18]. Разделяя представление о том, что наибольшее влияние на граждан России оказали такие события, как Великая Отечественная война и Распад СССР, приходится признать, что в настоящее время в российском обществе представлены четыре поколения: послевоенное, советское, переходное и постсоветское. Их рождение, становление и развитие происходило в условиях, существенно отличающихся по идеологии, экономической стабильности, общей международной напряженности, что неизбежно оказывало влияние на формирование у них жизнестойкости. Однако до сих пор исследователям не удалось предоставить убедительных данных, позволяющих говорить о различиях жизнестойкости у представителей разных поколений.

Исследователи анализировали обусловленность жизнестойкости возрастным фактором [10; 11; 19]. S. R. Maddi с соавторами обнаружили, что уровень жизнестойкости положительно коррелирует с возрастом. Они отмечают, что жизнестойкость как личностная характеристика требует развития, следовательно,

у людей более юного возраста ее показатели могут быть немного ниже [10]. Сравнение уровня жизнестойкости в группах студентов и педагогов, подтверждают эту идею [20]. С другой стороны, в исследованиях других российских психологов была установлена обратная зависимость: в возрасте до 31–35 лет [11; 19] показатели жизнестойкости оказались выше, чем в группах более старшего возраста. Е. А. Куашева утверждает, что динамика жизнестойкости в процессе профессионализации носит нелинейный характер и достигает максимальных значений на втором и завершающем этапах службы в органах внутренних дел [21].

Таким образом, в науке накоплены данные, позволяющие предположить, что жизнестойкость у представителей разных поколений будет отличаться. Однако эмпирических доказательств этому до сих пор не предоставлено. Сравнение разных возрастных групп привело исследователей к противоречивым выводам и не позволяет с уверенностью говорить об обусловленности жизнестойкости принадлежностью к тому или иному поколению. Анализ зависимости жизнестойкости от иден-

тификации с поколением позволит дополнить существующие данные и приблизиться к решению вопроса об изучении жизнестойкости поколений.

2 Материалы и методы (Materials and methods)

Цель исследования заключалась в выявлении различий в уровне жизнестойкости у людей, которые относят себя к разным поколенческим группам.

Для сбора эмпирических данных использовалась русскоязычная версия опросника “Hardiness Survey” S. Maddi, адаптированная Д. А. Лентьевым и Е. И. Рассказовой [19]. Принадлежность к тому или иному поколению определялась на основе самоотчетов респондентов о схожести собственных ценностей с ценностями разных поколений. Выбор был ограничен одним поколением.

В исследовании приняли участие 146 человек, из которых 66 мужчин и 80 женщин, проживающих в Челябинской области (Россия). Возраст респондентов составил от 17 до 72 лет.

Для математической обработки результатов исследования использовались анализ частот, описательные

статистики и Н-критерий Крускала-Уоллиса.

3 Результаты (Results)

Результаты анализа особенностей идентификации с поколением в

исследуемой выборке представлены в таблице. В целом по выборке преобладает идентификация с постсоветским (43 %) и советским (35 %) поколениями (Таблица 1).

Таблица 1 — Особенности идентификации с поколением
Table 1 — Features of identification with generation

Возраст	Поколение, с которым идентифицирует себя человек			
	Послевоенное, %	Советское, %	Переходное, %	Постсоветское, %
Более 60 лет, (n = 36)	41	56	0	3
46–60 лет, (n = 36)	10	80	10	0
33–35 лет, (n = 37)	0	18	55	27
17–32 лет, (n = 37)	1.5	1.5	8	89
Всего	12	35	10	43

Эти данные соответствуют результатам и выводам Н. Л. Ивановой и Т. В. Румянцевой о том, что доля советской идентичности в нашей стране снижается [22]. Полученные данные согласуются с результатами более ранних наших исследований [15].

Анализируя взаимосвязь между возрастом респондентов и их социальной идентификацией можно отметить, что во всех возрастных груп-

пах, кроме людей в возрасте более 60 лет, чаще представлена конгруэнтная идентификация, когда возраст совпадает с типом поколенческой идентификации), чем неконгруэнтная, когда возраст не совпадает с типом поколенческой идентификации). Люди старшего возраста (более 60 лет) чаще относят себя к советскому поколению (56 %), чем к послевоенному (41 %). Это может

быть связано с тем, что в представлениях людей разница в ценностях этих двух поколений не велика, и, возможно, как указывают зарубежные исследователи [23], предположение о четырёх или пяти поколенческих категориях является недостаточно продуктивным для эмпирических исследований. В любом случае этот вопрос требует уточнений и дополнительных исследований особенностей восприятия ценностей разных поколений. Анализ данных показал, что во всех сравниваемых группах уровень убежденности в том, что вовлеченность в события дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности (шкала «Вовлеченность») оказался ниже среднестатистической нормы. Это позволяет говорить о том, что в целом участники исследования чувствуют себя отвергнуты-

ми. Схожие результаты были получены и в исследовании М. И. Постниковой, которая объясняет низкие значения вовлеченности у представителей всех поколений россиян кризисными явлениями, которые переживают сегодня практически все граждане нашей страны [11]. В ходе исследования значимых различий в уровне вовлеченности в группах с разным типом поколенческой идентификации обнаружено не было. Значения, отражающие средние тенденции параметров «Контроль» и «Принятие риска» в исследуемой выборке, соответствуют среднестатистической норме. Это говорит о том, что участники исследования чувствуют свою ответственность за события, которые происходят с ними, а также склонны воспринимать свой опыт как возможность для развития (рисунок 1) ¹.

¹ Примечание – $N_{эмп}$ — Эмпирическое значение N-критерия Крускала-Уоллиса; p — Уровень достоверности различий

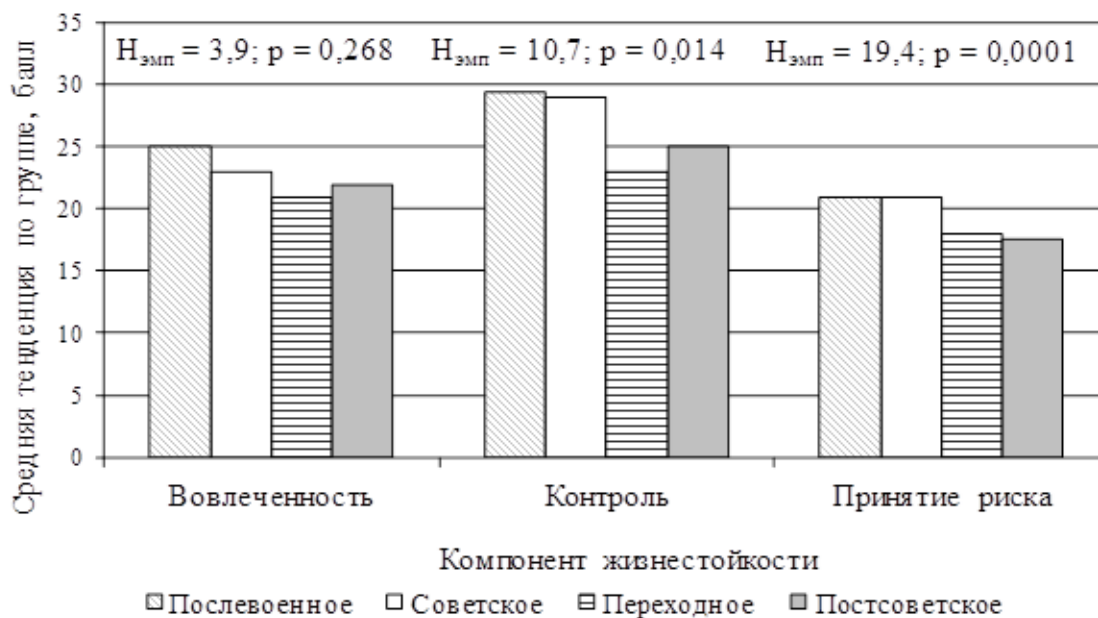

Рисунок 1 — Уровни выраженности компонента жизнестойкости в группах с разным типом поколенческой идентификации

Figure 1 — Differences in the level of the components of Hardiness in groups with different types of generational identification

В группе людей, идентифицирующих себя с переходным поколением, среднее значение уровня жизнестойкости попало в зону ниже среднестатистической нормы. В остальных группах средние значения исследуемого параметра оказались в пределах нормативных значений по тесту. Значимыми оказались различия между людьми, идентифицирующими себя с разными поколениями, по шкалам «Контроль» ($p \leq 0,05$),

«Принятие риска» ($p \leq 0,0001$) и по общему баллу методики ($p \leq 0,05$).

4 Обсуждение (Discussion)

В ходе исследования были обнаружены значимые различия в уровне контроля у людей, идентифицирующих себя с разными поколениями ($p \leq 0,05$). Самый высокий уровень контроля наблюдается в группе людей, идентифицирующих себя с послевоенным поколением. Практически такой же уровень обнаружи-

вается у тех, кто идентифицирует себя с советским поколением. Самый низкий уровень контроля наблюдается у представителей переходного поколения. Низкий уровень контроля у людей, которые идентифицируют себя с переходным поколением, можно объяснить тем, что на формирование их личности существенное влияние оказали времена крайней нестабильности общества, предшествовавшие распаду СССР и последовавшие сразу за ним. Потрясения этого времени породили у целого поколения чувство собственной беспомощности перед лицом обстоятельств. Результаты исследования позволяют говорить о том, что люди, относящие себя к старшим поколениям, готовы действовать в ситуации неопределенности, без надежных гарантий успеха (высокие значения по шкале «Принятие риска»), что значительно отличает их от представителей младших поколений ($p \leq 0.0001$). Следует отметить, что полученные нами данные отличаются от данных, представленных М. И. Постниковой [11]. Вероятно, несовпадение результатов объясняется разницей в подходах к организации исследования. М. И. Постникова в качестве крите-

рия для дифференциации поколений использует год рождения респондентов, а в данном исследовании сравниваются группы, выделенные на основе идентификации людей с тем или иным поколением. Кроме того, данные М. И. Постниковой были получены на жителях северо-западного региона России, что может объяснять несовпадение результатов исследований. Различия в уровне жизнестойкости у людей с разным типом поколенческой идентификации значимы при $p \leq 0.05$. По мнению S. Maddi, более высокие показатели жизнестойкости у людей, относящих себя к старшим поколениям, можно объяснить эффектами естественного развития [10].

В данном исследовании было установлено, что менее всего жизнестойкость как ресурс личности присутствует у людей, идентифицирующих себя с переходным поколением. Вероятно, в данном случае в процессы естественного развития вмешались общественно-исторические факторы. Можно предположить, что катастрофические события, связанные с распадом СССР, оказали негативное воздействие на процесс формирования целого поколения росси-

ян, приведя к снижению уровня жизнестойкости людей, идентифицирующихся с переходным поколением.

5 Заключение (Conclusion)

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что уровень жизнестойкости различается у жителей Уральского региона, идентифицирующих себя с разными поколениями. Достоверными оказались различия по шкалам «Контроль» и «Принятие риска». Общий уровень жизнестойкости также значимо отличался у представителей разных поколений. Обнаруженные в ходе исследования различия свидетельствуют о том, что наиболее жизнестойкими являются люди, идентифицирующие себя со старшими поколениями (послевоенным и советским), менее жизнестойки люди, идентифицирующие себя с постсоветским поколением. Самый низкий уровень жизнестойкости наблюдается у людей, относящих себя к переходному

поколению.

Перспективы описанного исследования лежат в области более детального анализа особенностей поколенческой идентификации и их взаимосвязи с жизнестойкостью поколений. Важным представляется анализ восприятия людьми ценностей разных поколений. Также интерес вызывает анализ особенностей личности людей с разным статусом поколенческой идентичности (конгруэнтной и неконгруэнтной), который требует существенного увеличения объема выборки.

6 Благодарности (Acknowledgments)

Автор выражает благодарность за финансовую поддержку исследования Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 18-013-00910 «Динамика ценностей поколений как маркер трансформации социальных отношений в российском обществе».

Библиографический список

1. Howe N., Strauss W. (1991) Generations: the history of Americas future, 1584–2069. New York, William Morrow Paperbacks Publ. 538 p.
2. Dam M.J., Noben C.Y., Higgins M. (2017) Bridging generation gaps in medical education: a “light bulb moment” at the Association for Medical Education in Europe annual conference in Barcelona. Medical teacher. 39 (11), 1195–1196. DOI: 10.1080/0142159X.2017.1288865 (Scopus).
3. Campbell W., Campbell S., Siedor L., Twenge J. (2015) Generational differences

are real and useful. *Industrial and Organizational Psychology*. 8 (3), 324–331. DOI: 10.1017/iop.2015.43 (Scopus).

4. Cucina J.M., Byle K.A., Martin N.R., Gast I.F. (2018) Generational differences in workplace attitudes and job satisfaction: Lack of sizable differences across cohorts. *Journal of Managerial Psychology*. 33(3), 246–264. DOI: 10.1108/JMP-03-2017-0115 (WoS, Scopus).

5. Rudolph C.W., Zacher H. (2017) Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*. 3, 113–129. DOI: 10.1093/workar/waw019 (WoS).

6. Якимова З. В., Масилова М. Г. Поколение Z как потенциальный сегмент рынка труда // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2017. № 4 (21). С. 341–345.

7. Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2014. № 8 (1). С. 108–114. (Серия «Экономика и менеджмент»).

8. Schaberle W., Roth R., Lothaller H., Endler C. (2018) Psychological distress, closeness, distance and sense of coherence (SOC) of physiotherapists in individual therapy. *Physioscience*. 4, 161–169. DOI: 10.1055/a-0749-0831 (WoS).

9. Bue S.L., Kintaert S., Taverniers J., Mylle J., Delahaij R., & Euwema M. (2018) Hardiness differentiates military trainees on behavioural persistence and physical performance. *International journal of sport and exercise psychology*. 16 (4), 354–364. DOI: 10.1080/1612197X.2016.1232743 (WoS).

10. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R., Fazel M., Resurreccion N. (2011) The personality construct of hardiness, V: Relationships with the construction of existential meaning in life. *Journal of Humanistic Psychology*. 51 (3), 369–388. DOI: 10.1177/0022167810388941 (WoS, Scopus).

11. Постникова М.И. Особенности жизнестойкости молодежи // *Научный диалог*. – 2016. – № 1(49). – С. 298-310

12. Lyons S.T., Schweitzer L. (2017) A qualitative exploration of generational identity: making sense of young and old in the context of today's workplace, *Work, Aging and Retirement*. 3 (2), 209–224. DOI: 10.1093/workar/waw024 (WoS).

13. Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J. & Kuron L. (2019) A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*. 17 (1), 1–24. DOI: 10.1080/15350770.2018.1500332 (WoS).

14. Twenge M. (2017) *IGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy — and completely unprepared for adulthood — and what that means for the rest of us*. New York, Simon and Schuster. 352 p.

15. Sivrikova N.V. (2014) Features of social identification of inhabitants of South Ural // *В мире научных открытий*. 9 (57), 322–337. DOI: 10.12731/wsd-2014-9-22

16. Stone-Johnson C. (2018) *Generational identity, educational change, and school leadership*. New York, Routledge Publ. 108 p.

17. Jun Y., Chun-Sheng Yu., Jun W. (2018) Work values across generations in China. *Chinese Management Studies*. 12 (3), 486–505. DOI:10.1108/cms-12-2017-0357 (WoS, Scopus).

18. Пищик В. И. Типологические и идентификационные признаки поколений // Российский психологический журнал. 2018. № 15 (2). С. 215–236. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.9 (WoS)

19. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. – 63 с.

20. Шварева Е. В. Жизнестойкость у подростков из разной образовательной среды // Наука и современность. 2010. № 6-1. С. 411–414

21. Куашева Е. Р. Жизнестойкость и ценностно-смысловые предпочтения личности: согласованность и противоречия (на материале сотрудников органов внутренних дел) // Вестник адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 173–178. (Серия 3 «Педагогика и психология»).

22. Иванова Н. Л., Румянцева Т. В. Социальная идентичность: теория и практика. М. : СГУ, 2009. – 453 с.

23. Parry E., Urwin, P. (2017) The evidence base for generational differences: Where do we go from here? *Work, Aging and Retirement*. 3 (2), 140–148. DOI: 10.1093/workar/waw037 (WoS).

N. V. Civrikova

ORCID No. 0000-0001-9757-8113

Candidate of psychological sciences,

Associate professor of social work, pedagogics and psychology,

South-Ural State Humanities-Pedagogical University,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: bobronv@scpu.ru

**FEATURES OF HARDINESS OF PEOPLE,
IDENTIFYING ITSELF WITH DIFFERENT GENERATIONS
(ON THE EXAMPLE OF THE URAL REGION OF RUSSIA)**

Abstract

Introduction. The problem of differences between generations rises in article. It is widely discussed in society. It is specified in article that the most part of researches of a question represents comparison of people of different age. The author assumes that when studying differences between generations, the approaching based on division of selection on the basis of identification with generation will be more justified. The research objective consisted in identification of differences in hardiness level at people who carry themselves to different generational groups.

Materials and methods. 146 inhabitants of the Ural region of Russia (66 men and 80 women) aged from 17 up to 72 years participated in research. Russian-language version of the questionnaire of “Hardiness Survey” used for determination of level of hardiness of respondents. Kruskal-Wallis H test applied to mathematical data processing.

Results. It is revealed that congruent generational identification prevails in all age groups (except group of people who are more senior than 60 years). Participants of a research identify themselves more often with the Soviet or Post-Soviet generations. Significant distinctions on scales “Control”, “Challenge” and to the general point according to the questionnaire of hardiness between the people identifying themselves with different generations is established.

Discussion. Results of a research confirmed a hypothesis that the level of hardiness depends on identification with generation: the most durable are the people carrying themselves to the senior generations (post-war and Soviet), the people associating themselves with transitional generation are less durable. The lowest level of hardiness is observed at the people attributing themselves belonging to transitional generation.

Conclusion. Generations as independent social groups can act as the basis for identification of the personality since as a result of a research it was established that people with ease carry themselves to generational group which connects them with peers on the basis of community of values. The cultural and historical conditions of formation of the personality uniting people in one generation influence the level of hardiness of the person. In the Ural region trends of pendula in hardiness level when comparing generations (a trend of U-shaped form) are observed: at representatives of the Soviet and Post-Soviet generations the level of hardiness is higher, than at representatives of transitional generation.

Keywords: generational identification, hardiness, post-war generation, Soviet generation, transitional generation, Post-Soviet generation.

Highlights:

Inhabitants of the Urals are inclined to identify themselves with generation of the peers. More this trend is characteristic of representatives of the Soviet and Post-Soviet generations.

Level of conviction is that the person can operate events of the life, has significant differences in different generational groups: the highest values are noted at representatives of post-war and Soviet generations, and the lowest — at representatives of transitional generation.

The belief that experience represents new points of personal growth depends on belonging to generation: the highest rates are recorded at representatives of post-war and Soviet generations, and the lowest — at representatives of Post-Soviet generation.

References

1. Howe N., Strauss W. (1991) Generations: the history of Americas future, 1584–2069. New York, William Morrow Paperbacks Publ. 538 p.
2. Dam M.J., Noben C.Y., Higgins M. (2017) Bridging generation gaps in medical education: a “light bulb moment” at the Association for Medical Education in Europe annual conference in Barcelona. *Medical teacher*. 39 (11), 1195–1196. DOI: 10.1080/0142159X.2017.1288865 (Scopus).
3. Campbell W., Campbell S., Siedor L., Twenge J. (2015) Generational differences are real and useful. *Industrial and Organizational Psychology*. 8 (3), 324–331. DOI: 10.1017/iop.2015.43 (Scopus).
4. Cucina J.M., Byle K.A., Martin N.R., Gast I.F. (2018) Generational differences in workplace attitudes and job satisfaction: Lack of sizable differences across cohorts. *Journal of Managerial Psychology*. 33(3), 246–264. DOI: 10.1108/JMP-03-2017-0115 (WoS, Scopus).
5. Rudolph C.W., Zacher H. (2017) Considering generations from a lifespan developmental perspective. *Work, Aging and Retirement*. 3, 113–129. DOI: 10.1093/workar/waw019 (WoS)

6. Yakimova, Z.V. & Masilova M.G. (2017) *Pokolenie Z kak potencial'nyj segment rynka truda* [Generation Z as potential segment of labor market]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*. 4, 21, 341–345. (In Russian).

7. Astashova, Yu.V. (2014) *Teoriya pokolenij v marketinge* [The theory of generations in marketing]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 8, 1, 108–114. *Seriya «Ekonomika i menedzhment»* [Series “Economics and Management”]. (In Russian).

8. Schaberle W., Roth R., Lothaller H., Endler C. (2018) Psychological distress, closeness, distance and sense of coherence (SOC) of physiotherapists in individual therapy. *Physioscience*. 4, 161–169. DOI: 10.1055/a-0749-0831 (WoS).

9. Bue S.L., Kintaert S., Taverniers J., Mylle J., Delahaij R., & Euwema M. (2018) Hardiness differentiates military trainees on behavioural persistence and physical performance. *International journal of sport and exercise psychology*. 16 (4), 354–364. DOI: 10.1080/1612197X.2016.1232743 (WoS).

10. Maddi S.R., Khoshaba D.M., Harvey R., Fazel M., Resurreccion N. (2011) The personality construct of hardiness, V: Relationships with the construction of existential meaning in life. *Journal of Humanistic Psychology*. 51 (3), 369–388. DOI: 10.1177/0022167810388941 (WoS, Scopus).

11. Postnikova M.I. (2016) *Osobennosti zhiznestojkosti molodezhi* [Features of resilience of youth]. *Nauchnyy dialog*. 1, 49, 298–310. (In Russian).

12. Lyons S.T., Schweitzer L. (2017) A qualitative exploration of generational identity: making sense of young and old in the context of today's workplace, Work, Aging and Retirement. 3 (2), 209–224. DOI: 10.1093/workar/waw024 (WoS).

13. Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J. & Kuron L. (2019) A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*. 17 (1), 1–24. DOI: 10.1080/15350770.2018.1500332 (WoS).

14. Twenge M. (2017) *IGen: Why today's super-connected kids are growing up less rebellious, more tolerant, less happy — and completely unprepared for adulthood — and what that means for the rest of us*. New York, Simon and Schuster. 352 p.

15. Sivrikova N.V. (2014) Features of social identification of inhabitants of South Ural // *В мире научных открытий*. 9 (57), 322–337. DOI: 10.12731/wsd-2014-9-22

16. Stone-Johnson C. (2018) *Generational identity, educational change, and school leadership*. New York, Routledge Publ. 108 p.

17. Jun Y., Chun-Sheng Yu., Jun W. (2018) Work values across generations in China. *Chinese Management Studies*. 12 (3), 486–505. DOI:10.1108/cms-12-2017-0357 (WoS, Scopus).

18. Pishchik V.I. (2018) *Tipologicheskie i identifikacionnye priznaki pokolenij* [Typological and identification signs of generations]. *Russian psychological journal*. 15, 2, 215–236. (In Russian).

19. Leontyev D.A. & Rasskazova E.I. (2006) *Test zhiznestojkosti* [Test of resilience]. Moscow, *Smysl*. 63 p. (In Russian)
20. Shvareva E.V. (2010) *ZHiznestojkost' u podrostkov iz raznoj obrazovatel'noj sredy* [Resilience at teenagers from the different educational environment]. *Nauka i sovremennost'*. 6-1, 411–414. (In Russian).
21. Kuasheva E.R. (2011) *ZHiznestojkost' i cennostno-smyslovye predpochteniya lichnosti: soglasovannost' i protivorechiya (na materiale sotrudnikov organov vnutrennih del)* [Resilience and valuable and semantic preferences of the personality: coherence and contradictions (on material of staff of bodies of internal affairs)]. *Vestnik adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3 "Pedagogika i psikhologiya"* [Series 3 "Pedagogy and psychology"]. 3, 173–178. (In Russian).
22. Ivanova N.L. & Remyantseva T.V. (2009) *Sotsial'naya identichnost': teoriya i praktika* [Social identity: theory and practice]. Moscow, *Sovremennyy gumanitarnyy universitet*. 453 p. (In Russian).
23. Parry E., Urwin, P. (2017) The evidence base for generational differences: Where do we go from here? *Work, Aging and Retirement*. 3 (2), 140–148. DOI: 10.1093/workar/waw037 (WoS).